

Сергей Саканский

СОБИРАТЕЛЬ ГРЁЗ

и другие парные
и непарные
рассказы

2

Произрастание

Собиратель грёз

Сергей Саканский

Произрастание (сборник)

«Автор»

2002

Саканский С. Ю.

Произрастание (сборник) / С. Ю. Саканский — «Автор»,
2002 — (Собиратель грёз)

Девяностые годы. Миллионам людей месяцами не платят зарплату, а уйти с работы – как? Если уйдешь, тогда уж точно не заплатят, а останешься – то хоть какая-то надежда. Таким нехитрым образом начинался российский бизнес. История одной из жертв этого процесса стала основой рассказа РОСТКИ РИВЛЯ. Молодой инженер, дабы прокормить семью, приходит к радикальному решению, которое, впрочем, может шокировать читателя... Тема девяностых, бизнеса – и в другом рассказе из этой книги – БЕЛАЯ. Человек занимается производством в те годы, когда вся страна только и делает, что торгует и разворовывает. Честно ведя свой пресловутый бизнес, наш герой неожиданно становится жертвой процесса... Два рассказа. Две жертвы.

© Саканский С. Ю., 2002

© Автор, 2002

Содержание

Ростки ривля	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Сергей Саканский

Книга 2

Произрастание

Ростки ривля

Строчки, строчки, строчки...

Гордин был в лесу за озером, в воскресное утро, весной. Гордин искал строчки. За час унылого маятникового блуждания он не увидел ни одного строчка, что было странным: с утра ему казалось, что строчки пойдут сразу же, как только он окажется в лесу – большие светло-коричневые строчки, чем-то напоминающие ядра грецких орехов.

Ночью Гордину снился сон: он собирал именно строчки, они росли вселесно, жирные, мозговитые, обильными вывалами – рука Гордина помнила их здоровую крепость, сытую массу плодовых тел... Гордин шел, спотыкаясь, по влажной земле, и всюду, куда ни падал его взгляд, были строчковые шапочки, будто бы он сам, силой своего взгляда и создавал этот грибной достаток. Гордин проснулся голодным, проснулся от крика дочери, его рука все еще продолжала убогий шар по одеялу...

Гордин шел, чтобы сохранить жизнь. Лес – вот что могло принести достаток. Лес, и ничего больше.

Еще зимой, долгими вечерами – с простирыванием пеленок, криком младенчихи и стоном большой жены – Гордин всесторонне обдумал эту, на первый взгляд, бредовую идею.

Лес...

Когда-то в детстве он читал книжку, где бодрый советский автор рассказывал о том, как могут прокормиться пионеры в долгом походе, как хорошо они могут прокормиться, умело используя все, что растет под ногами. Гордин почти ничего не помнил из этой книжки – осталось лишь ощущение солнца, сухости, летнего неба... И маленькие, доверчивые пионеры у костра. Котелки, бульканье, деревянные мешалочки.

Потом они вдруг выросли. Никто не говорил им, что так будет. Их обманули во второй раз, теперь уже навсегда. Они носили на головах голубые мешочки с кисточками. Они собирали клубни иван-чая, чтобы приготовить похлебку. Из желудей мог получиться отличный кофе. Сочные стебли рогоза. Крапива на суп. Заячья капуста. Это было все, что Гордин помнил из той книжки, из той жизни, но главное – оно было возможно: толстая, как сейчас вижу, очень толстая книга. И все не так просто, потому что у Гордина были морозильные камеры...

Три морозильные камеры объемом по 140 литров каждая стояли в ряд, белея, загромождая маленькую комнату, бывшую спальню для гостей, когда к Гордину из разных городов еще приезжали гости. Там, на восемнадцатиградусном морозе, он мог сохранить свои труды, и это было открытием, которым он гордился. Ведь все растущее плодоносит недолго, какие-то дни или недели, но теперь, умело, компактно размещая добычу – ту же крапиву, спрессовывая ее в брикеты, ту же заячью капусту, не говоря уже о ягодах и грибах, которые вот-вот пойдут (хотелось сказать, как грибы), Гордин мог обеспечить семью до следующей весны... Надо было лишь точно знать: *что, где и когда...*

Морозильными камерами с Гординым расплатился завод, где он сидел инженером и уже несколько месяцев не получал зарплаты. Все, с кем завод расплатился своими морозильными камерами, тотчас развезли их по магазинам, и вскоре магазины города и окрестных деревень перестали принимать их на комиссию. Гордин опоздал на несколько дней, так считала Елена

Васильевна, теща, которая не могла простить ему этого, и пилила, пилила... Но Гордин имел далеко идущие планы, потому и придержал свои агрегаты – для ягод, грибов, иван-чая...

И мяса...

Гордин гнал от себя навязчивые мысли о мясе, но они возвращались, дразня... Вот и в сегодняшнем сне, собирая строчки, он вдруг увидел вдали меж стволов дичь и, сжав ладонью прохладное, услужливо подвернувшееся цевье, двинулся вперед... По мхам и плаунам...

Мир весны был дик и напорист. Росло многое: с клейким шелестом разворачивались почки берез, медленно разгибались папоротники, лопались чавки ривля, и острые ростки его, прорезая почву, секли на своем пути все живое и мертвое. Самый сильный, самый упругий в лесах средней полосы, весенний ривль был беспспорным победителем среди трав. Его ростки секли старую листву и куски опавшей коры, секли гнилые стволы и пни, секли саму твердь и сущность... Они секли: старые газеты, пластиковые упаковки, презервативы. Секли: одноразовые стаканчики, ржавое железо, белое собачье дерьмо. Секли: битое стекло, дамское белье, потерянную обувь, воображаемые строчковые шапочки...

Гордин замер, остановился. Мимо него бежал поросеночек – тряся грудями, ягодицами, с длинной пшеничной косой. Это была девочка лет пятнадцати, невероятно толстая, в мягком спортивном костюме. Она бежала, чтобы сбросить жир, чтобы ее потом захотели мужчины. За девочкой следовала собака – довольно дорогая, холеная, также сбрасывающая жир. Она посмотрела на Гордина своими животными глазами, строго, будто прочитав его мысли... Гордин не нашел ни одного строчка, и уже возвращался. Яма – вот что могло бы оказаться радикальным решением.

Допустим, Гордин заранее выкопает где-нибудь яму. Человек, копающий яму в лесу, конечно, вызывает подозрения, ну и что? Просто человек сосредоточенно и углубленно копает, он сумасшедший, он копает в лесу яму...

Далее надо найти, выследить дичь и загнать ее по направлению к яме. Все должно произойти в непосредственной близости от ямы, или в яме самой. Опасен лишь момент разделки, закапывания останков, это надо сделать быстро, засыпать, покрыть дерном. И снова: идет по лесу человек с рюкзаком, мало ли что у него в рюкзаке. Только вот собаки... Они сразу почуют мясо в рюкзаке. Поэтому надо хорошо, герметически упаковать мясо, в несколько слоев пленки. И надо что-то придумать дома, какую-нибудь внезапную халтуру, что-нибудь в деревне, где ему якобы заплатят мешком свежего мяса... А там – сытость, достаток, тяжелые груди жены, сочащиеся молоком, здоровый ребенок...

Место, где Гордин встретил спортивную девочку, вызвало в нем смутное чувство тревоги, как если бы здесь с ним уже произошло что-то в прошлом... Гордин огляделся. Тропинка, по которой убежал поросеночек, круто заворачивала вправо и исчезала в овраге, поваленная бурей ель огромным веером расплстала свои корни, и было что-то отвратительное, жалкое в этом обнажении, будто бы Гордин случайно подглядел за женщиной... И Гордин вспомнил. Именно это место сегодня снилось ему, он не мог ошибиться: именно эта тропинка, ель... Именно здесь он шел, пригибаясь, прячась, выглядывая из-за поваленной ели, а дичь уже токовала поблизости... Это был мальчик, вышедший по чернику. Он был в белой шапочке, в мягкой вуали от комаров, в крапчатом свитере, токовал, высоко задирая голову... И рука Гордина плотно легла на прохладное, немедленно подвернувшееся цевье...

Гордин огляделся. Он много раз проходил здесь, ведь он с детства жил в этом лесном городке, ничего удивительного не было в том, что это место приснилось... И черничник, только еще набирающий силу, развернулся по всей поляне: ягод ждать еще с месяц, не менее, а пока всюду, куда ни глянь, рос всепроникающий, фантастически живучий ривль.

Ветка хрустнула. Гордин поднял голову и увидел женщину.

Она шла, нагибаясь, и что-то рвала, складывая в молочно-белый пакет. Высокая, крупная, с широкими бедрами, но достаточно тонкой талией, большая, но изящная, с плавной, бла-

городной линией спины... Заметив Гордина, она остановилась и посмотрела на него. Не оставалось никакого сомнения, что женщина собирает именно ривль.

Гордин махнул рукой.

– Не бойтесь, – крикнул он. – Я не опасен. Я только хочу спросить, зачем это вы рвете ривль?

– А что – нельзя? – растерянно спросила женщина, с тревогой оглядевшись по сторонам.

– Нет, рвите, сколько хотите, я не лесник. Я только хотел поинтересоваться – зачем?

Женщина подошла ближе. Ей было за пятьдесят, но выглядела она превосходно: из-под голубой косынки кольцами выкатывались свежепокрашенные каштановые волосы, щечка все еще гладкую белую шею, а дойки казались упругими, словно у молодой.

– Ну, это полезно, – сказала она, приподымая свой пакет и разглядывая. – Меня научила китайка, когда мы жили на Амуре. Там, у них, все женщины весной собирают ростки ривля. Вот, посмотрите, – она нагнулась, ловким движением сорвав рослую чавку. Гордин увидел, как обозначились под тонкой материей брюк ее ягодицы.

– Это выбрасываю, – женщина отделила чавку от стебля и щелчком отшвырнула наземь, – а это беру, – она кинула розоватый росточек точно в свой пакет.

– Его что, едят? – удивленно спросил Гордин.

– Ну да, в общем... – женщина внезапно покраснела, и Гордин понял, почему. Возможно, они оба подумали об одном и том же... В этот момент серая трясогузка прилетела, устроилась у ног Гордина, часто затрясла гузкой.

– И что же из него делают? – спросил Гордин.

– Да все что угодно! Жарят, парят, консервируют...

– Постойте-ка... Но ведь ривль – ядовит.

– Да? Может быть, это касается взрослого ривля, а что касается ростков, то... – она оглядела незнакомца с головы до ног и продолжила бойко:

– Ростки ривля вкусны, полезны, по калорийности не уступают мясу. Согласитесь, лучше собирать весенний ривль, чем убивать беззащитных животных.

– Я, видите ли, вообще не ем мяса. Я убежденный вегетарианец.

– Я, представьте, тоже.

– А как вас зовут?

– Меня Магда, а вас?

– Виктор. Очень приятно.

– Мне тоже. Приятно встретить единомышленника. Я ведь одинокая вегетарианка. Мой муж, например, спокойно ест мясо.

Виктор вдруг рассмеялся:

– Моя жена тоже, представьте себе!

Трясогузка, испуганная громким мужским смехом, перелетела от Виктора к Магде, как бы в чем-то передавая эстафету.

– Жена и теща прожить без мяса не могут, – пояснил Виктор, – и мне, конечно, приходится добывать.

– Вы на заводе работаете?

– Да, но там не платят, сами знаете. На днях вот обещали халтуру в деревне, так заплатят, кстати, прямо-таки мясом. Забью морозильную камеру сразу месяца на три... – Виктор вдруг пристально посмотрел на Магду, и она поняла, о чем он подумал. – Или даже на четыре... – уточнил он и смутился.

Магда разглядывала Виктора с нарастающим любопытством: именно о таком мужчине она мечтала всю эту беспокойную, обильную весну... Единомышленник, он так же сладко любит и чувствует природу. Ходит один по лесу, наслаждается первыми красками. Невысокий коренастый брюнет, крепкие сильные ноги, выпуклая, наверняка волосатая грудь... Жадный,

золотой блеск в очах... Магде захотелось, чтобы он овладел ею немедленно, стоя, вплетя ее всю в корневище поваленной ели, чтобы стала она, как дриада, сестра дерева, с деревом неразрывно сроднясь.

Серая трясогузка, как бы испугавшись ее мыслей, вспорхнула внезапно и улетела прочь – сквозь голые кусты боярышника...

Увы, люди живут вопреки своим тайным желаниям. Они поговорили, медленно продвигаясь к опушке, однажды она споткнулась, и Виктор ловко поддержал ее под мышку, пальцем случайно коснувшись груди. Магда почувствовала, как промокают ее трусы.

Они оказались во многом похожи, несмотря на то, что Виктор был лет на двадцать младше ее. Это и не удивительно, ведь мужчина мыслит быстрее. У них были общие наблюдения, маленькие индивидуальные открытия... Оба страстно, жадно любили природу. Оба понимали таинственный мистический смысл леса. Они общались так бурно, так искренно... Они расстались на опушке, чтобы не идти вдвоем по городу, по маленькому грязному городу, где все про всех знают, и это был их первый молчаливый уговор, как будто бы они уже стали любовниками...

Впрочем, какая разница, духовно это произошло или физически? Они договорились встретиться через неделю, в следующую субботу, в то же самое время и на том же месте. Магда знала, что тогда это и произойдет.

– Вы понимаете теперь, – с жаром воскликнул Виктор, уже на опушке, в непроизвольном порыве сжав ее локоть, – вы ведь понимаете, что при социализме мы жили гораздо лучше, полнее, искреннее...

– Да, да! – энергично закивала Магда, – вы совершенно, вы удивительно правы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.